

Аполлон Григорьев

«Гамлет» на одном провинциальном театре

Аполлон Григорьев

**«Гамлет» на одном
провинциальном театре**

«Public Domain»

Григорьев А. А.

«Гамлет» на одном провинциальном театре / А. А. Григорьев —
«Public Domain»,

Герой рассказа А. Григорьева, усталый и больной, приезжает в некий провинциальный город. Не в силах следовать дальше, он останавливается в гостинице, где случайно узнает, что в городке есть театр и в нем сегодня дают «Гамлета». «...Отчего же и мне не пойти в театр? ведь уж все равно; я столько раз был терзаем разными профанациями бессмертной трагедии, что быть еще раз истерзанным вовсе ничего не значит. Решено – иду в театр».

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Аполлон Григорьев

«Гамлет» на одном провинциальном театре

(Из путевых записок дилетанта)

Посвящается В. С. Межевичу

I

Я приехал в *** на рассвете, усталый, разбитый ухабистой дорогой, измученный бессоницею, больной. Провести целую ночь под дождем проливным, можешь себе представить, как это приятно; я благодарил судьбу, что в городе оказалась довольно порядочная гостиница, где мне дали сколько-нибудь чистый номер, сколько-нибудь чистую постель и прочая; я тотчас же лег и проспал семь часов сряду каким-то летаргическим, болезненно-бесчувственным сном, что – надобно тебе сказать – всегда для меня очень приятно. Еще и в Москве я часто, бывало, проводил ночи не смыкая глаз, для того только, чтобы доставить себе удовольствие спать утром самым эксцентрическим сном; ты знаешь, я вовсе неприхотлив в моих вкусах, вовсе не гастроном, нисколько не знаю толку в вине и даже, к величайшему ужасу порядочных людей, совершенно не привязан к комфорту, но – в отношении ко сну – я прихотлив, разборчив, как слишком немногие, и могу сказать, что во сне я знаю толк почти столько же, сколько в женщинах, потому что, *après tout*,¹ только две эти вещи я и люблю на свете: было время – славное, право, время, – когда, ложась спать, я знал, я был уверен, что бросаюсь в совершенно иную, в совершенно новую жизнь, бросаюсь с тем же чувством страха и лихорадочного удовольствия, с каким бросаются в воду с возвышенности. Да, – сон вещь хорошая, чуть ли не лучшая в жизни, – чуть ли, говорю я, потому что есть другая, ей равная, – женщина, но и женщина не тот ли же сон, только почти всегда зловещий... Не в этом дело, впрочем: дело в том, что я проспал семь часов сряду, как убитый. Просыпаюсь, смотрю на часы – второго половина. Боже мой! Целых еще 18 часов ждать опять дороги. Мне стало истинно досадно; я повернулся на другой бок и попробовал, нельзя ли спать еще; но, видно, это была уже физическая невозможность, видно, злая судьба определила мне видеть древности города *** и рутинерски любоваться его прекрасными видами, великолепными зданиями, фабриками и заводами, всем, одним словом, о чем пишется в географиях и чего нет на факте, всем, что мне опротивело с детства в географиях. Нечего делать! Встал, спросил себе чаю, лениво выпил три стакана и выкурил две регалии²... Пробило два! Ну, хоть полчаса как-нибудь убито. Сел к окну и стал думать... О чем, спросишь ты? О ничем, мой милый, что, впрочем, вовсе не значит ни о чем не думать. Блаженны ни о чем не думающие – прибавил бы я к числу семи блаженств, я, который в состоянии думать о ничем...

Наконец мне стало несносно скучно, и я уже решался даже идти осматривать ***-ские древности, несмотря на то, что древности составляют один из предметов моего отвращения,³ как вдруг довольно громкий разговор за стеною в соседней комнате заставил меня выйти из моего самоуглубления. Стена, или, точнее сказать, перегородка, была очень тонка, и разговор можно было расслышать почти от слова до слова. Это были два женских голоса; один из них звучал неприятно и резко: нетрудно было угадать, что он принадлежит одному из тех существ,

¹ В конце концов (*франц.*).

² Регалия – сорт сигар.

³ В действительности Г. всегда живо интересовался «древностями».

которые не могут быть ни кем иным, как чиновницами известного класса, и притом матушками; другой был свежий, как весенний воздух, тонкий голос девочки...

Сначала я, от нечего делать, стал просто прислушиваться к звукам этих двух голосов, вовсе не обращая внимания на содержание разговора; мне был как-то по душе этот звонкий, несоздавшийся, ребяческий голос, в котором таился или страстный шепот женщины, или кухонная брань будущей титулярной, надворной, коллежской советницы и начальницы отделения. Да! то или другое, ибо в этом голосе было что-то несоздавшееся: он был чист и звонок, но его ноты могли звучать и в божественной поэме, и, пожалуй, в пошлом мотиве польки... Я жадно прислушивался к этому голосу, как ко всякому откровению нераспустившейся женственной души, ловил каждый звук его, потому что каждый звук был еще неоскверненная святыня. Это смешно, может быть, – но что же делать? Я везде и всегда один и тот же, я везде и во всем вижу только женщин, слушаю только женщин, понимаю только женщин и, пожалуй, страдаю только за женщин, – везде, везде, в многолюдном ли салоне, среди ли бешеного веселья танцклассов петербургских, здесь ли, наконец, в каком-то губернском городе, меня занимает одно – судьба женщины.

А что мне в них, кажется? Они же первые были готовы обвинять меня в неограниченном самолюбии, они же первые не верили моему поклонению, моему фанатизму, они же, которых природа казалась мне всегда выше и чище грубой природы мужчины, способны были сомневаться даже в искренности моих эксцентрических понятий...

Так или почти так думал я, прислушиваясь к звукам разговора за стеною. Наконец, и думать о женщинах стало мне если не скучно, то, по крайней мере, грустно – и вероятно, заразительность любопытства дочерей Евы была причиною того, что я наконец стал вслушиваться в содержание слов.

Дело шло, сколько я мог догадаться, о том, ехать или не ехать куда-то; дочери хотелось ехать, мать доказывала, что успеют-де наездиться и в Петербурге. Просьбы продолжались, возражения тоже.

Вошел половой.

– Кто стоит в соседнем номере? – был мой первый вопрос.

– В соседнем-то-с? – отвечал он, почесав затылок... – Статская советница Поджогина с дочерью-с.

– Поджогина! – почти вскричал я, с удивлением услышавши имя моих московских знакомых.

Очарование почти разлетелось. Я знал эту девочку, которой голос произвел на меня сегодня странное впечатление, похожее на щекотание; я видел ее часто в разного рода кружках, куда имел привычку ходить от скуки, живя в Москве; она была пансионерка, и притом Поджогина! Она держалась прямо, танцевала с неизменно настроенной улыбкой и с казенными фразами на устах, танцевала прекрасно – с целию найти мужа!

– Барыня-то заболела, что ль, бог ее ведает, только что с неделю позажилась здесь, – продолжал половой, и понес целую историю.

Я не слушал.

– И дался тебе этот «Гамлет», матушка, – послышался за стеною резкий голос, – уж ты и в Москве-то мне им надоела; вот дело другое – «Морской разбойник»,⁴ ну, того бы я и сама еще посмотрела.

Я не знал еще, в чем дело, но слово «Гамлет» заставило меня ждать с нетерпением ответа.

– Да ведь скучно же сидеть здесь, – послышался голос дочери.

У меня отлегло от сердца... я так и ждал восклицания «ах» и «прелесть, душка Гамлет», – что расстроило бы меня на два дня с половиною. О лучше, в тысячу раз лучше эта наивная

⁴ «Морской разбойник» – балет П. Тальони (1840).

жалоба на скуку, чем наклеивание на себя вздорной сентиментальности и восхищение тем, чего не понимают! Я готов был благодарить эту девочку за ее ответ, за то, что она не взяла его целиком из какого-нибудь серобумажного романа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.